

*Посвящается
одной маленькой белой кошке.
Она пришла к нам на порог как раз тогда,
когда я начала эту серию романов,
но прожила очень недолго.
Мы по ней очень скучаем.*

Глава первая

День сейчас или ночь — я не знаю. Девчонка встает и идет к выходу. Короткое серебристое платье шуршит при ходьбе, словно новогодняя мишура. В дверях номера она оборачивается.

Кай ее зовут? Не помню, хоть убей.

— Ты ведь расскажешь обо мне своему папе в консульстве?

У девчонки по щеке размазалась помада, но я ничего ей не говорю — слишком уж сильно ненавижу в тот момент ее и себя заодно.

— Конечно.

Мой отец не работает в консульстве. И не отстегивает каждой встречной девице по сто тысяч баксов на благотворительные гастроли по Европе. Я не сотрудник телестудии и не отбираю участниц для «Топ-модели по-американски». Дядя мой не менеджер «U2». Я не унаследовал сеть отелей. И нет у нашей семьи никаких алмазных рудников в Танзании. Я и в Танзании-то никогда не был. Просто матушка все лето выдумывала разные истории и пускала пыль в глаза всем встречным блондинкам. Надеюсь, что я забуду Лилу.

Но я не забыл.

Лежу, уставившись в потолок. Мама проснулась и ходит в соседней комнате.

Ее выпустили из тюрьмы пару месяцев назад, и, как только закончились занятия в школе, она увезла меня в Атлантик-Сити. Здесь мы промышляем мошенничеством: заселяемся в какую-нибудь гостиницу, едим и пьем за их счет, а если начинают требовать денег, просто-напросто переезжаем в следующую. Мастеру эмоций кредитные карты без надобности.

Я как раз размышляю обо всем этом, как дверь между нашими номерами открывается.

— Зайчик, завтракать будешь?

Мать совсем не удивляется, что я валяюсь на полу в одних трусах. Ее черные волосы заколоты и убраны под шелковый шарф (она всегда такой надевает, когда ложится спать), халат, прихваченный из предыдущей гостиницы, плотно облегает пышную фигуру.

— Нет, просто выпью кофе. Сейчас заварю.

Я поднимаюсь и топаю к столику, где на пластмассовом подносе разложены пакетики с кофе, сахар и порошковые сливки.

— Кассель, сколько раз тебе объяснять: нельзя это пить. Туда могли подсыпать метамфетамин.

Мама хмурится. Она всегда переживает из-за каких-то нелепостей: не доверяет гостиничным кофеваркам, мобильникам. А вот из-за обычной полиции не переживает ничуть.

— Лучше я закажу по телефону, пусть принесут сюда.

— Они точно так же могут подмешать туда метамфетамин.

Но она не обращает на мои слова никакого внимания, возвращается к себе и звонит в обслуживание номеров.

— Я заказала тебе яичницу с тостами. И сок. Знаю-знаю — ты сказал, что есть не хочешь, но сегодня тебе понадобятся силы. Я нашла для нас очередного простачка.

Улыбка у нее выходит такая широкая и заразная, что я почти готов улыбнуться в ответ.

Вот такая у меня мама.

Хотите — верьте, хотите — нет, но в Атлантик-Сити продают журналы под названием «Как живут миллионеры» или, например, «Миллионеры Нью-Джерси». Там печатают статьи про разных престарелых богачей, которые хвастают своими особняками и прочим имуществом. Не знаю, кто такие журналы читает, но для мамы это просто находка. Вроде как специальный каталог для аферистов.

Про Клайда Остина она вычитала именно там: Клайд шел сразу же после репортажа о ненавистнике мастеров губернаторе Пэттоне и его резиденции Драмтвакет. Писали, что, несмотря на недавний развод, Остин все еще может позволить себе частный самолет и панорамный бассейн с подогревом, а путешествует всегда в сопровождении двух породистых борзых. Еще у него дом в Атлантик-Сити, и он иногда любит сбежать на часок-другой из офиса поужинать в ресторане «У Мортон» и поиграть в блек-джек. На фото плотный коротышка, явно сделал недавно операцию по пересадке волос.

— Надень что-нибудь грязное, — командует мама, сидя за туалетным столиком.

Она трудится над новой парой ярко-голубых перчаток: прорезает на пальцах крошечные незаметные дырочки, чтобы можно было дотронуться до жертвы.

— Грязное?

Я развалился на диване в ее номере с чашкой в руках. Пью уже третий кофе со сливками. Хотя тост я тоже съел.

— И мятое. Ты должен походить на отчаявшегося бродяжку.

Мама начинает расчесывать вьющиеся пряди, одну за другой. Потом будет мазаться кремом и красить ресницы. Прихорашивается обычно часами.

— Какой у нас план?

— Я позвонила в «У Мортон», назвалась его секретаршей и сказала, что забыла на какое время заказан столик. В журнале так прямо и написано, в каком ресторане он обычно ужинает. Правда, здо'рово? Они поверили. Столик заказан на сегодня, на восемь.

— И когда ты туда звонила?

— Где-то пару дней назад.

Мать пожимает плечами, и аккуратно подводит глаза черным карандашом. Врет или нет — непонятно.

— О, ихвати-ка полиэтиленовый пакет из моего чемодана.

Я ставлю кружку на пол и встаю. Достая пакет, полный капроновых колготок и кладу перед ней.

— Это не мне, а тебе.

— Хочешь, чтобы я походил на гламурного бродяжку?

— Ты их наденешь на голову, — мама поворачивается и нетерпеливо машет рукой, словно растолковывая очевидные вещи непонятливому дурачку. — Если все пойдет, как задумано, я потом представлю тебя ему как своего сына.

— Похоже, у тебя действительно есть план, и ты все тщательно продумала.

— Да брось. Через неделю начнутся занятия, неужели ты не хочешь развлечься напоследок?

Спустя несколько часов мы идем по набережной. Мама цокает позади каблуками, ее белое платье раздувает теплый летний ветерок. Декольте на платье такое, что кажется, ускорь она шаг — грудь точно вывалится наружу. Как-то неловко обращать внимание на такие вещи, но я же не слепой.

— Помнишь, что делать?

Я жду, когда она поравняется со мной. Золотистые перчатки и такая же, в тон сумочка — наряд получился ого-го. Передумала, наверное, надевать те голубые.

— Нет, забыл. Расскажи-ка мне в сто тысяч первый раз.

Гнев, как грозное облако, затмевает мамино лицо, ее взгляд становится тяжелым.

— Да помню-помню, мам, — успокаиваю я ее. — Иди лучше вперед, пока не заметили, как мы разговариваем.

Мать ковыляет на своих каблуках к ресторану, а я облокачиваюсь о перила и смотрю на океан. Точно такой же вид открывался из пентхауса Захарова. Вспоминаю, как Лиля повернулась ко мне спиной и глядела на черные волны.

Надо было сказать, что я ее люблю. Тогда бы это хоть что-то значило.

Когда мошенничаешь, самое сложное — выждать. Часы тикают, ладони потеют от напряжения, мысли разбредаются в разные стороны. Ты весь на адреналине, готов действовать, но вынужден лишь выждать.

Отвлекаться нельзя, иначе все пойдет прахом. Так учила мама.

Я наблюдаю за входом в ресторан и нащупываю в кармане скомканные колготки. Отрезал от них кусок ножом, еще в номере.

Не отвлекаясь, слежу за прохожими и мамой, которая невероятно медленно прогуливается, соблазнительно покачивая бедрами. Неизвестно, сколько придется ждать. Честно говоря, план может вообще не сработать. Важное правило — нужно брать на заметку сразу нескольких простачков и искать среди них нужного. Того самого, которого и получится обвести вокруг пальца.

Проходит около двадцати минут. Мы держимся на расстоянии друг от друга. Мама занимается тем, чем обычно и занимаются добропорядочные женщины на вечерней прогулке: выкуривает сигарету, подправляет помаду, делает вид, что звонит по мобильнику, который, на самом деле, взяла у меня. А я клянчу у прохожих мелочь. Уже три с половиной доллара заработал, протягиваю руку за очередным четвертаком, и тут из ресторана, покачиваясь, выходит Клайд Остин.

Мама направляется к нему.

А я подпрыгиваю и бросаюсь к ней, на ходу натягивая на голову колготки. И никакие они не прозрачные, черта с два. Я почти ничего не вижу, поэтому быстро бежать не получается.

Кто-то громко вскрикивает. Ясное дело: от парня с колготками на голове добра не жди. Настоящий стереотип, вернее, даже архетип злодея.

Пробегаю мимо мамы и выдергиваю у нее сумочку.

Она тут же начинает кричать:

— Грабят! Помогите! Помогите-и-и-те!

Нелегкая задача: надо бежать, но бежать достаточно медленно. Пьяный пузатый коротышка, в жи-

воте у которого булькает мартини, должен суметь меня поймать.

— Пожалуйста! Помогите! Кто-нибудь! Он украл все мои деньги!

Я еле сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться.

Почти сталкиваюсь с Клайдом, подставляюсь ему. Надо отдать маме должное: она совершенно права — мужчинам нравится чувствовать себя рыцарями в сияющих доспехах. Остин хватает меня за руку.

Я поддаюсь и падаю.

Неудачно получилось. Может, колготки винюваты, а может, просто потерял равновесие: как бы то ни было, я со всей силы ударяюсь об асфальт. Одна перчатка порвалась. Руку разодрал, коленки наверняка тоже — они даже онемели.

Сумочка падает на землю.

Подняться я не успеваю — Клайд бьет меня прямо в затылок. Больно. Надеюсь, мамочка оценила мои старания. Вскочив, я бегу со всех ног. Стаскивая с головы мерзкие колготки, мчусь без оглядки прочь, в темноту.

А Клайд Остин с видом победителя возвращает прекрасной даме золотистую сумочку.

С видом победителя глядит в ее полные благодарности прекрасные глаза.

С видом победителя пялится на ее грудь.

Мама с ликующим видом достает из минибара бутылку «Просекко», а я поливаю руку пенящейся перекисью водорода. Щиплет ужасно.

— Он пригласил меня выпить завтра вечером. Я сказала, что угощаю, ведь это самое малое, чем я могу его отблагодарить. А Клайд отказался наотрез и заявил, что угощает он, ведь мне пришлось пережить такой ужас. Правда, многообещающее начало?

— Конечно.

— Он заберет меня отсюда в шесть. Как думаешь, ждать его полностью готовой или пригасить в номер пропустить стаканчик, пока я прихорашиваюсь? Встретить его в халате?

Я морщусь в ответ.

— Не знаю.

— Прекрати. Ты неправильно все воспринимаешь. Дело есть дело. Кто-то должен нас обеспечивать. Нужно платить за твою распрекрасную школу, Баррону нужно выплачивать заем. А Филип сейчас в любой момент может остаться без работы.

Мама укоризненно смотрит на меня, как будто хочет напомнить, из-за кого именно у Филипа неприятности с главой преступного клана. Будто меня совесть должна мучить. Нет уж — они поступили со мной гораздо хуже.

— Я спокоен, но только пока ты не работаешь над Клайдом, — тихо отвечаю я. — Тебе совершенно незачем над ним работать, ты очаровательна и так.

Мать смеется и наполняет свой стакан. Игривое вино пузырится не хуже перекиси водорода.

— Яблоко от яблоньки. Мы оба умеем быть очаровательными, если нам что-то нужно. Да, Кассель?

— Ну и что с того? Я просто не хочу, чтобы ты опять попала за решетку. Для тебя это новость?

Кто-то стучится в ее номер.

— Что ты заказала?

Мама выкрикивает предупреждение, но слишком поздно — я уже открываю дверь.

В коридоре с бутылкой виски «Джек Дэниэлс» в руке стоит Клайд Остин.

— Ой, — говорит он смущенно. — Это, наверное, не тот номер. Я думал...

А потом приглядывается ко мне, замечает окровавленные джинсы и ссадину на руке, сидящую на кровати маму. И до него доходит. Лицо коротышки перекашивается от гнева.

— Ты меня подставил. Она меня подставила.

Он произносит это «она» с такой интонацией — и мне предельно ясно, что именно Клайд о нас думает.

Я пытаюсь что-то объяснить, но Остин замахивается. Я двигаюсь слишком медленно и неуклюже, поэтому не успеваю увернуться. С жутким глухим звуком бутылка ударяет мне в висок.

Падаю на ковер. Голова кружится и гудит. Накатывает тошнота. Да уж, я его хорошо понимаю, и вот моя награда. Перекашиваюсь на спину, Остин снова заносит руку для удара.

Взвизгнув, мама впивается ногтями ему в щеку.

Бывший поклонник в бешенстве разворачивается и толкает ее локтем. Мать отлетает и падает прямо на столик. Зеркало бьется, и осколки разлетаются в стороны, как сияющие конфетти.

Я протягиваю руку. На мне сейчас нет перчаток. Я могу остановить его одним прикосновением.

Превратить в таракана.

В грязную вонючую лужу.

Как же мне хочется это сделать.

Но Клайд почему-то замер и недоуменно оглядывается по сторонам, будто не понимает, где очутился.

— Шандра? — тихо говорит он. — Прости меня. Я тебя ударил?

— Ничего страшного, — произносит мама успокаивающе, потом медленно встает и морщится. На губах у нее кровь. — Ты просто хотел зайти и угостить меня виски, так? Увидел сына и, наверное, принял его за кого-то другого.

— Наверное. Мы же понравились друг другу, вот я и решил — зачем ждать до завтра? А потом... Но он правда похож на того грабителя, ты же сама видишь.

Мама — мастер эмоций. Она не может изменить его воспоминания, Баррон бы смог, но его здесь нет. Зато мама может дотронуться до Клайда Остина и вызвать такую симпатию к себе, что он ей поверит. Поверит каждому слову и усомнится в очевидных вещах. Даже настолько очевидных.

У меня начинает кружиться голова.

— Все верно, детка. Действительно, немного похож. Это была просто ошибка. Я тебя провожу.

Мать гладит Клайда по щеке. Тут кто угодно бы отшатнулся — на ней ведь нет перчаток, но он совершенно не обращает внимания на ее голые руки и покорно позволяет себя увести.

— Прости, мне так жаль. Даже не знаю, что на меня нашло.

— Разумеется. Я тебя прощаю, но мы вряд ли увидимся завтра вечером. Ты ведь все понимаешь?

Клайд краснеет от стыда.

— Конечно.

У меня перед глазами все плывет. Мать что-то воркует нежным успокаивающим голосом, вот только обращается она не ко мне.

Из гостиницы мы уезжаем на следующее утро. От солнечного света пульсирует в висках, по лбу стекает противный липкий пот — так всегда потеешь, когда болен. От малейшего движения перед глазами все кружится, словно я очутился на американских горках. Пока мы ждем, когда швейцар пригонит машину, я роюсь в рюкзаке в поисках темных очков и стараюсь лишний раз не смотреть на синяк на мамином плече.

Она сказала, что мы уезжаем, и с тех пор не произнесла больше ни слова. Мы молча собрали вещи и так же молча спустились на лифте в фойе. Ясное дело, мама в бешенстве.

Но мне не до того — слишком уж паршиво я себя чувствую.

Наконец к отелю подъезжает мой старенький ржавый «мерседес». Мать что-то отдает швейцару, берет у него ключи, а я забираюсь на пассажирское сиденье, которое так нагрелось, что обжигает ноги даже сквозь джинсы.

Как только мы отъезжаем, она принимается вопить:

— Зачем ты открыл дверь? Почему не посмотрел в глазок? Не спросил, кто это?

Так громко, что я вздрагиваю от боли.

— Кассель, ты что, совсем дурачок? Я разве тебя этому учила?

Правильно. Я поступил опрометчиво. Глупо. Чересчур расслабился в своей частной школе. Именно такие грубые ошибки и отличают любителей от приличных мошенников. К тому же мама находится под влиянием отдачи и поэтому эмоционально неуравновешенна. Она и в обычной-то ситуации не очень уравновешенна, а из-за колдовства получается еще хуже. Колдовство в сочетании с яростью — тут ничего нельзя поделывать, надо просто переждать.

В детстве такое случалось частенько, но мать довольно долго пробыла в тюрьме, и я успел забыть, как сильно она может разойтись.

— Ты совсем дурачок? — она переходит на визг. — Отвечай!

— Прекрати, — закрыв глаза, я прислоняюсь лбом к оконному стеклу. — Пожалуйста, прекрати. И извини меня, я не хотел.